

Александр Тутов

СПАРТАНЕЦ

Александр Николаевич Тутов

Спартанец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23995639

Александр Тутов. Спартанец: Издательский дом «Сказочная дорога»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-4329-0053-1

Аннотация

Это повесть о легендарном герое древнего мира, спартанце Ксантиппе. Он действительно спас Карфаген от захвата римлянами в Первую Пуническую войну, и карфагеняне действительно отплатили ему чёрной неблагодарностью. Согласно дошедших до нас источников, Ксантипп спасся, но нигде не говорится о его дальнейшей жизни. Автору удалось воссоздать героическую историю воина, полную битв, приключений и опасностей, и можно предположить, что многое, рассказанное здесь, произошло на самом деле.

Содержание

От автора	5
Спартанец	7
Пролог	8
Часть 1	10
1	10
2	20
3	25
4	33
5	40
6	49
7	52
8	58
9	66
10	76
11	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Тутов

Спартанец

© Тутов А., 2015

© Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

От автора

Яркой страницей вписано в историю небольшое государство Спарта, что располагалось на территории Древней Эллады. О его жителях существует множество легенд, часть из которых не имеет отношения к действительности. Но из них ясно одно: спартанцы очень отличались от остальных эллинов, особенно от афинян. И это не просто так. Они происходили из арийских племен. Поэтому их и причисляли к дорийцам, тем, кто вторгся на территорию Эллады и захватил часть Пелопонесса. Сами они называли себя потомками Геракла. Геракл – имя славянское, арийского происхождения.

А уж сколько схожего у спартанских воинов и славянских дружинников! Это и красный боевой цвет, и тренировки для воспитания мужчин и женщин, испытания будущих воинов, и воинские обычаи...

Не случайно высказывалось мнение, что Спарта была «инородным телом» среди греческих государств. Не зря некоторые псевдодемократы проамериканского, прозападного типа так любили сравнивать Советский Союз со Спартой, отмечая чуть ли не тождественность порядков. Это не совсем верно. Схожесть действительно велика, но тут все более значимо, чем схожесть обычаев, порядков, исторических событий. Тут схожесть духовная, сакральная. От ру-

сов-ариее эта схожесть, эта русскость дорийских спартанцев. Вспомните крепости Баязет, Брест, подвиг панфиловцев, 9 роту в Афганистане и 6 десантную роту в Чечне. Или наших миротворцев в Южной Осетии. Наших добровольцев на Балканах, в Приднестровье. Все они повторили бессмертный подвиг спартанцев в Фермопилах. Какой еще народ может повторить подобное? Только русские (и все, кто причисляет себя к ним). Даже историки, писавшие о спартанцах, и историки, писавшие о славянах, невольно говорили об этих народах почти одинаковыми словами. Особенно о их любви к свободе. Об русах-ариях с острова Рюген (славяне его звали Руян – он же остров Буян из русских сказок), что были воинами святилища Аркона, и о спартанцах можно сказать одинаково: «Война была их жизнью. Они были готовы пожертвовать всем во имя высших интересов государства и его священных законов» (из Ю. А. Андреева). Об одном из спартанцев и будет наше повествование. О спартанце Ксантиппе – и о нас¹.

Александр Тутов

---

¹ О русах-ариях смотрите исследования Юрия Дмитриевича Петухова.

Спартанец

КСАНТИПП — древнегреческий стратег из Спарты, живший в III веке до н. э. Командовал отрядом спартанских наёмников, который участвовал в Первой Пунической войне на стороне Карфагена. В битве при Тунете Ксантипп активно использовал нумидийскую кавалерию и боевых слонов и разгромил римлян. Согласно Диодору, после победы в Африке Ксантипп высадился в Сицилии и командовал обороной главной крепости карфагенян на острове — Лилибея. В итоге действий спартанского полководца римляне были вынуждены снять осаду и отступили. Дальнейшая судьба Ксантиппа неизвестна. Диодор сообщает, что карфагеняне коварно убили своего спасителя (по преданию, они отправили Ксантиппа домой на корабле, в котором было продырявлено днище). Полибий, напротив, уверен, что спартанский полководец покинул Карфаген в добром здравии. Современные исследователи полагают, что после обороны Лилибея Ксантипп отправился в Египет к Птолемею III, так как известно, что Птолемею служил человек с тем же самым именем для удержания земель возле реки Евфрата.

Пролог

Никто не знал, откуда они появлялись. И откуда взялись, где нашли выход из Преисподен Аида. Сначала они возникали только по ночам, обрушиваясь на спящие селения, как неудержимая горная лавина, убивая всех, кто подвернётся под руку, поджигая и разрушая дома. Несколько деревушек вдоль морского побережья спалили дотла. Жители, что сумели уцелеть, стеной, разбрелись в разные стороны, проклиная злосчастную судьбу. Но с мойрами не поспоришь.

Мощь этих посланцев смерти возрастала. Позже всадники в рогатых шлемах, скрывавших лицо, облачённые в странную смесь из тусклых доспехов и собачьих шкур, стали заезжать в селения и днём, требуя дани и повиновения. Отличаясь крайней жестокостью, они убивали каждого, кто пытался сопротивляться или даже просто возразить им. А иногда убивали и просто так. Чтобы боялись.

Они называли себя всадниками Цербера. Но для испуганных людей они были воплощением мифических кентавров, хотя и таскали поверх доспехов собачьи шкуры. И личины у них выглядели, как собачьи морды.

Всадники Цербера совсем скоро стали держать в страхе всё побережье. И так продолжалось уже больше года. Люди потеряли всякую надежду и мечтали лишь о том, что сегодня всадники Цербера не появятся. Уныние и страх, горечь

и боль стали постоянными спутниками несчастных жителей. Но не все трусливо прятались, стараясь лишь спасти свою жизнь. Были и те, кто больше не желал бояться.

Часть 1

1

Вот в это время в небольшом малоазийском портовом городке и бросило якорь сицилийское торговое судно. На берег сошёл худощавый, но еще довольно крепкий, жилистый темноволосый воин с серо-голубыми глазами. На воине был светлый хитон и выдавший виды алый плащ, на поясе висел короткий меч. Сопровождавший воина оруженосец нёс копье и мешок с доспехами. Оба были уже немолоды, но и далеко ещё не стары. Тела их покрывали многочисленные шрамы. Это были два ветерана, много повидавшие и немало испытывавшие.

– Вот, Орест, и очередной порт, где нам придётся ждать попутного корабля, – сказал воин.

– Не скоро мы ещё вернёмся домой, – вздохнул оруженосец. – Как давно мы не были на родине! Там, может, и родных-то никого уже не осталось. Пять лет службы фараону, три года у карфагенян – это немалый срок. А Лакедемон, по слухам, спокойно не жил эти годы. Говорят, на него нападали да, слава Гераклу, отбились. Вам бы, господин Ксантипп, сразу после победы над римлянами отправиться в Спарту. Вы бы тогда показали этому молосскому выскочке, как на-

до воевать. А вы всё этим неблагодарным пунийцам служили! И чем они отплатили?! Чёрной неблагодарностью! Испугались, что теперь вы все их слабости узнаете, что власть в Карфагене сможете захватить!

– Ох, не таракти ты так, Орест! – попытался остановить

поток красноречия оруженосца тот, кого звали Ксантипп. – Сам же знаешь, что теперь в Спарте спартиатов почти не осталось. Бедность заставляет продавать свой меч и копье другим государям. Земли у меня там не осталось. Авторитет Спарты держится только на былой славе! А ты тут разглагольствуешь!

– А чего? – сделал вид, что удивился, Орест. – Я не спартиат, мне лаконично говорить не надо. Я смесь илота с периком, поэтому и могу болтать сколько вздумается.

– Да, твоей болтовни на троих хватит, – съехидничал Ксантипп.

– Иногда полезно послушать умного человека, – гордо заявил Орест (за многие годы, проведенные с хозяином в сражениях, он вел себя с ним как панибрат), – особенно вашей сумасбродной милости.

– Это ты-то умный?!

– Конечно. Кому-то ведь надо быть умным и осмотрительным. Это вы всё приключений ищете. Если бы не я, то давно где-нибудь свернули бы себе шею. Ладно бы армиями всё время командовали (почет все-таки!), как у тех же пунийцев, так нет – всё время в какие-то опасные походы тянет. То помогать кому-нибудь, то защищать кого-нибудь или что-нибудь. Ладно бы золото да серебро за это получали, а то одни синяки и шрамы. Разве что в последний раз с деньгами повезло.

– Ещё Ликург говорил, что лаконцам богатство противо-

показано. Раньше у нас деньги были в виде железных прутьев. Драгоценностей в Спарте не было, зато имелись войны. Сейчас все наоборот. Когда сребролюбие проникло в Спарту, тогда и её боевая слава стала клониться к закату. Меньше стало равных в общине, меньше стало побед. Драться за богачей у истинных воинов мало желания. Защищать их кошельки и усадьбы? Вот уж нет! Никогда! Я дерусь ради воинской чести и славы! Хотя и стать царём какой-нибудь страны я бы не отказался! Воинское тщеславие и солдатское честолюбие – вот что двигает мной, и от плодов побед отказываться глупо!

– Одно то и утешает, что когда-нибудь вы завоюете себе государство и станете царём. Тогда и я отдохну. Надеюсь, вы и тогда не забудете про своего скромного, смиренного слугу.

Так, разговаривая, Ксантипп и Орест дошли до портовой таверны, где и решили перекусить. Денег пока хватало, служба Карфагену хорошо оплачивалась. Особенно такая, в какой отличился Ксантипп.

Кое-что, правда, пришлось отдать сиракузянам в благодарность за доставку до порта, поделиться с друзьями, оставшимися в Египте, но осталось ещё более чем достаточно.

Таверна не пустовала. Матросы с различных кораблей, заполнившие ее, громко горланили песни и пили неразбавленное вино.

Некоторые из посетителей, судя по виду, ничем не отличались от пиратов или разбойников с большой дороги.

Ксантипп и Орест нашли свободный столик в углу. К ним достаточно быстро подошёл кабатчик, нутром почуяв, что у его новых посетителей есть деньги.

– Чего изволят уважаемые господа? – спросил он и попытался изобразить дружелюбную улыбку. Так как его физиономия была такой же разбойничьей, как у ряда посетителей, то дружелюбие выглядело каким-то неестественным.

– Кувшин вина, оливок, сыра и жареной баранины, – заказал Ксантипп, доставая пару драхм из поясного кошелька.

– Осторожно, господин, здесь пьют неразбавленное вино! – предупредил Орест.

– Я не боюсь, – ответил Ксантипп, наблюдая за кабатчиком, торопливо выполнявшим заказ. – Если ты помнишь, то за годы наших странствий пришлось много чего попробовать. Особенно неразбавленного вина. И ничего! Здоровье не сильно пошатнулось!

– Конечно, помню, как и то, к чему приводило неумеренное употребление неразбавленного вина. Но, во-первых, приближаясь к Элладе, надо начать привыкать к её обычаям. Ведь неразбавленное вино – это для невоспитанных варваров. А, во-вторых, я хорошо помню, как в Египте, выпив вина, вы долго гоняли царскую стражу. После чего нам пришлось срочно покинуть службу и отправиться в Карфаген к пунийцам. Иначе все могло закончиться печально. Птолемей сильно гневался. Вы подорвали репутацию его отборных стражей.

– Подумаешь, один раз перебрал! Просто эти царские стражники вели себя слишком заносчиво, не подумав о том, что я не просто наёмник, а спартанец!

Тем временем кабатчик принёс заказ, поставил на стол большой глиняный кувшин с вином, тарелку с сыром, посыпанным свежей зеленью, плоску с оливками, которые оказались довольно крупными, и миску с аппетитно выглядевшими кусками баранины. Они дымились и приятно пахли.

– Молодец! – похвалил кабатчика Ксантипп и щедро расплатился, накинув сверху серебряный статер.

Он не обратил внимания, как при виде тугого кошелька алчно сверкнули глаза посетителей таверны.

Ксантипп и Орест принялись молча поглощать еду. Даже разговорчивый Орест примолк, чувство голода оказалось сильнее.

На сиракузском судне с едой были серьезные затруднения. Голодать – это не проблема для спартанца, но силы необходимо было подкрепить. Особенно не прошедшему школы спартиата Оресту.

Только насытившись, он вновь начал говорить. Ксантипп, за годы странствий изучивший привычки слуги, не обращал внимания на его рассуждения, продолжал справляться с куском баранины. А тот долго и чуточку нудно вспоминал о голодной жизни на сиракузском корыте. Спартанцы еще со времен Персидской и Пелопонесской войн корытами называли корабли. В этом сказывалось их слабое умение управ-

лять судами. Они хорошо дрались на суше и неуверенно чувствовали себя на море.

– Издалека ли, славный воин? – к ним за стол подседа неопрятная дама в потрёпанных одеждах. Возраст её определить было сложно. – Не желаешь отдохнуть в объятиях Афродиты?

– Издалека, – ответил Ксантипп, сначала заинтересованно глянув на даму, но, разочаровавшись, предпочел продолжить есть. – Нет, отдыхать в объятиях Афродиты сегодня мне что-то не хочется.

– Может, воин предпочитает мальчиков? – обиженно поджав губы, спросила дама.

– Я, как настоящий спартанец, предпочитаю женщин, но пока никакого желания у меня нет. Я просто хочу спокойно поесть, – ответил Ксантипп. Это жалкое подобие гетеры стало его раздражать. – Иди, женщина, не мешай!

Вспыхнув, дама резко вскочила со скамьи и ушла.

– Ах, да! – не удержался от шутки Ксантипп. – Орест, я забыл спросить тебя: может, ты хотел бы расслабиться в объятиях этой Афродиты?

– Стар я уже для любовных утех, – развёл руками Орест. И демонстративно сгорбился.

– Ты всего на несколько лет старше меня. А я себя старым не считаю, с какой другой Афродитой я бы с удовольствием пообщался. Только не с этой.

Так, пересмеиваясь, они доели всё и направились к выходу.

ду из таверны.

На улице их уже ждали.

Восемь крепких угрюмых личностей с разбойничьими рожами стояли полукругом. Вооружены они были дубинками и кинжалами.

– Деньги давайте! – сурово сказал вожак. Он был самым коренастым, с лохматой рыжей бородой и расплюснутым носом (вид, как у человека, долго занимавшегося панкратионом)².

– Возьмите! – лаконично ответил Ксантипп и атаковал первым, даже не снимая меча с пояса.

Дубинка ближайшего грабителя каким-то образом перешла в руки Ксантиппа, а сам грабитель, согнувшись пополам, медленно опускался на землю. Дальше спартанец бил все так же расчётливо и точно. Ему понадобилось ровно семь ударов, чтобы уложить остальных бандитов. Орест всё это время прикрывал Ксантиппу спину с кинжалом в руке. Слуга несколько не сомневался в способностях хозяина. Был случай, когда почти два десятка римских легионеров окружили Ксантиппа и его товарища-спартиата Александра. А римские легионеры не чета каким-то бандитам! Так Ксантипп с Александром не только отбились, уложив почти десяток римлян, но и четверых легионеров в плен взяли. Жаль, всё меньше остаётся настоящих спартиатов, выученных по старой, легендарной школе боя! Теперь, наверное, и полты-

---

² Панкратион – древний олимпийский вид единоборства.

сячи не наберётся во всей Элладe и за её пределами (богачи забросили воинские тренировки, а если и садились на коня, то когда уж совсем припрёт. А при возникновении серьёзной опасности быстро скакали прочь от битвы).

Орест не зря прикрывал спину Ксантиппа. Из таверны вышли трое оборванцев с кинжалами (из-за спин их выглядывала давешняя гетера), но, увидев суровое лицо Ореста, предпочли вновь скрыться в таверне.

– Ф-фу! – выдохнул Ксантипп и вытер пот со лба. – Раньше бы и не заметил этих трудов. Полдня непрерывного боя не утомили бы. А тут бродяг уму-разуму научил и уже запыхался. Ладно, Орест, пойдём поищем место, где можно переночевать.

Они не заметили, что за их стычкой внимательно наблюдали ещё двое: не совсем дряхлый старик и юная златокудрая девушка.

– Как он прекрасно дерётся! – вырвалось у девушки.

Её слова и слышал Орест.

– Ещё бы! Ведь он – спартанец! – гордо ответил Орест и пошёл догонять Ксантиппа.

– Спартанец! – эхом за ним прошептала девушка. Она переглянулась со стариком, и они дуэтом закричали:

– Подождите, любезный господин! Мы долго искали столь славного воина как вы!

Ксантипп повернулся не сразу (подумаешь – какие-то нищие крестьяне осмелились его окликнуть!), а только когда

девушка догнала его.

Старик ковылял следом.

– Что вам? – устало спросил он их. Ему действительно очень хотелось отдохнуть.

– Нам нужна ваша помощь! – был ответ.

Девушка и старик с надеждой смотрели в глаза воина. И он почему-то не стал их прогонять.

2

– С тех пор, как Всадники Цербера разорили наше село, мы стали чужими на своей земле. Теперь мы, как осенние листья, гонимые по воле стихий. Вернуться обратно и восстанавливать свои жилища, обрабатывать пашни боимся. Мы не воины, мы – крестьяне, – страстно говорил старый Тимей. – Войны диадох³ лишили наши края всяческой власти, пожаловаться некуда. В городах правители заняты своими проблемами. Им не до нас, простых крестьян. Если так будет продолжаться, то мы просто умрём от голода и холода.

Ксантипп угрюмо слушал. Он-то хорошо знал, что таких деревушек по Ойкумене огромное количество. Войны порождали бесконечное множество разбойничьих шаяк, часто из бывших наемных солдат, которые занимались тем, что грабили путников и несчастных крестьян. А иногда отряды

---

³ Диадохи – полководцы Александра Македонского, боровшиеся после его смерти (323 г. до н. э.) за верховную власть.

различных царей были ещё хуже, чем разбойники. Ксантиппу, проведшему жизнь в походах и войнах, самому неоднократно приходилось налетать на деревни и города противника, где забиралось всё, что приглянулось или могло понадобиться. Это считалось не грабежом, а воинской добычей. Правом сильного! Почему сейчас он должен обращать внимание на просьбу старика и девушки о помощи? Это не то что не лаконские земли, но даже не эллинские. Если бы в них еще хоть капля крови ариев-русов была. Все-таки предки! А так... Обычное варварское поселение!

Но умоляющие зелёные глаза девушки заставляли Ксантиппа слушать старика. Эти глаза напомнили Ксантиппу о давней любви. Такие же были у Горго, с которой они так давно расстались.

Тогда он, оставшись без надела земли, вынужден был покинуть Элладу и стать наёмником.

С тех пор он не видел Горго, рассказывали, что она вышла замуж за богатого землевладельца, который не мог похвастаться воинскими подвигами или знатностью рода, но зато проблем с деньгами у него не было.

Орест сидел, насупившись. Он кожей чувствовал, что господин Ксантипп опять вяжется в очередное опасное дело. Его подведёт, в который раз, врождённое благородство. И вновь будут риск, смертельная опасность, а выигрышем, в лучшем случае, будет жизнь. Вот совсем недавно он командовал всей карфагенской армией, спасая пунийцев от римлян. Спас! Ну и что? Сам еле спасся после этого. Хорошо, что пока деньги есть. Но надолго ли их хватит? А самое неприятное, что жизнью-то рисковать придётся и Оресту. А он это не слишком любил. Всё это Ксантипп смог прочитать на лице слуги. В отличие от спартанца Орест не умел и не собирался прятать свои эмоции.

– Мы собрали все деньги, что у нас были, для того, чтобы нанять воинов для нашей защиты, – продолжал говорить старик. – Денег, конечно, мало. Да и хороших воинов в наших краях найти сложно. Среди нас нашлась группа юношей, готовых сражаться против всадников Цербера, но ими надо командовать. Солдаты они неопытные, но они готовы стараться.

– Сколько их? – наконец прервал молчание Ксантипп.

– Человек семьдесят! А там, глядишь, еще добровольцы появятся, – с готовностью ответил старый Тимей.

– А всадников Цербера?

– Около полутыщи, – негромко ответила за замешкавшегося Тимея девушка. – Или больше. Никто точно не знает.

– Фиона, нехорошо вмешиваться в разговор мужчин! – мягко попенял ей Тимей, сам смущённый такой арифметикой.

– И что вы хотите? – язвительно спросил Орест, обрадованный тем, что соотношение сил заставит Ксантиппа одуматься. – Ну, наймёте вы десяток воинов, ну даже два десятка! И как они отобьют ваши деревни от столь многочисленных врагов?! Даже вместе со всем вашим ополчением!

– Но вы же – спартанцы! – с горячностью стал говорить Тимей, трясая головой. При его словах Орест чуточку покраснел, но поправлять старика не стал. – Все знают, как триста спартанцев сражались при Фермопилах со всей армией персидского царя Ксеркса! А у него воинов было больше, чем звёзд на небе! Миллионы!

– Ну, это когда было! – попытался возразить Орест. – Тогда ещё и феспийцы⁴ помогали.

– Ну и что, что давно? – продолжал Тимей, – Спартанцы, как говорят, до сих пор лучшие воины в мире. Мы слышали, как совсем недавно один спартанец спас погибающий Карфаген от войска римлян! Карфагеняне были перед этим крепко побиты, римляне продвигались к их столице. И казалось, что ничто не спасёт Карфаген! Но прибыл один спартанец, он научил карфагенян, как надо сражаться, возглавил

---

⁴ Феспии – древнегреческий город на юге Беотии, расположенный в 80 стадиях от Фив. Назван, по легенде, в честь царя Феспия, сына Эрехтея, основан афинянами. Член Беотийского союза.

их армию и разбил римлян. Один человек решил судьбу государства. И этот человек – спартанец!

– А вы не слышали, как этого спартанца отблагодарили пунийцы? – зло сверкнув глазами, на долю секунды лишившись обычной спартанской невозмутимости, спросил Ксантипп.

– С почестями проводили, дали корабль, загрузили его драгоценностями и деньгами... – начал перечислять Тимей когда-то услышанное.

– И заодно дали задание экипажу корабля ночью пробить днище судна. Что те и сделали, потом сели в лодки и уплыли. Корабль утонул! Вместе с Ксантиппом!

– Как же это? – охнул Тимей.

– А так... Ну, может, не совсем так, как я сказал. Но так должно было произойти!

3

...Спартанцев было всего семнадцать. Держались они вместе. Алые плащи, крепкие, стройные фигуры, длинные тёмные волосы и серые глаза, а так же уверенное, гордое поведение выделяли их среди прибывших наёмников.

Последние годы спартанцы всё больше разъезжались по миру, нанимаясь служить различным владыкам. После реформ эфора Эпитадея⁵, разрешившего отчуждать наделы

---

⁵ Эпитадей – спартанский эфор, вероятно, во времена преемников Агесилая

земли у обедневших спартиатов, лишившиеся возможности существовать в родном государстве воины отправлялись искать лучшую долю. Великолепные воины – они продавали то, что умели лучше всего. Искусство воевать! Их охотно брали, часто – на командные должности. Лучших офицеров и полководцев найти было трудно. Один спартанец, разве что с парой-тройкой соратников, мог изменить ход всей войны. Брасид⁶, собрав небольшой отряд из илотов и пелопонессцев, сокрушил владычество Афин во Фракии, повернув удачу, почти полностью ушедшую к противнику, лицом к Спарте. Гилипп, приплыв к сиракузянам, спас их от огромного войска афинян. Перечислять спартанских полководцев можно было бы долго. Но нынешнее поколение спартиатов воюют не во славу Лакедемона и Эллады. Спартиатов становится всё меньше, кто погибает, кто разоряется и теряет все гражданские права. Ещё Брасид понимал, что надо дать больше прав илотам и периэкам, дать им право гражданства, тем самым усилив государей. Ведь не зря его самого так любили и уважали во всей Элладе, в том числе илоты, периэки и лучшие, разумнейшие среди спартанцев. Поэтому, когда Брасид

ввел закон, предоставлявший право передавать другому свое имущество по свободному выбору, дарственной записью или завещанием; он же, вероятно, предоставил дочерям право наследования. Последствием было то, что поместья перешли в руки немногих и особенно к дочерям-наследницам, и что число граждан, владеющих поместьями, все более и более уменьшалось.

⁶ Брасид (422 г. до н. э.) – сын Теллиса, один из лучших спартанских полководцев периода Пелопоннесской войны. Отличился в первый раз, заставив в 431 г. до н. э. афинян отказаться от нападения на Мефону в Мессении.

погиб под Амфиполем, принеся Спарте очередную победу, эфоры вздохнули свободнее, хотя и лишились лучшего полководца. А как жестоко был наказан спартаконец Кинадон, который готовил заговор с целью создания равноправного общества в Лакедемонии. Он тоже собирался улучшить жизнь илотов и периэков. Государство без граждан не сможет существовать. А спартиаты гибли в войнах, их становилось все меньше.

Вот и Ксантипп за вольнодумство и схожие мысли с Брасидом, память о котором он почитал, за излишне хорошее отношение к илотам чуть не понёс суровое наказание. Эфоры сначала думали о казни, но потом решили отправить потомка древнего рода в изгнание. С тех пор Ксантипп и скитался по миру. Вместе с ним отправился его слуга Орест. Во время службы в Египте они встретили ещё несколько своих друзей, которые были вынуждены покинуть Спарту.

– Кучка богачей, взяв из законов Ликурга лишь то, что им выгодно, узурпировала власть в стране! Они не видят или не хотят видеть, что Спарта уже совсем не та, что она превращается в ни на что не влияющее мелкое государство и что спартаконцев уважают только как наёмников. Так больше нельзя! – такие разговоры вели спартаконцы-наёмники, мечтая когда-нибудь вернуться домой и всё изменить на родине в лучшую сторону. Но пока это были всего лишь разговоры. До времен Агиса, Клеомена и Набиса, тех, кто попытался реформировать Спарту, было ещё несколько десятилетий.

Карфаген в эти дни с надеждой встречал прибывающие отряды наёмников. Военная фортуна совсем изменила пунийцам, римляне побеждали раз за разом. Недавно было проиграно очередное сражение, поставившее пунийцев на грань катастрофы.

Римские легионы уже маршировали по Африке.

Римский консул Марк совсем уверился в предстоящей победе, в захвате всего пунийского государства. Паника всё больше охватывала жителей гордого Карфагена. Они перестали верить своим вождям, которые проигрывали сражения на море и на суше одно за другим. А карфагенские полководцы, проиграв всё, теперь так осторожничали, что эту осторожность правильнее было сравнить с трусостью.

Вот в это тяжёлое время и прибыли наёмники в столицу пунийского царства.

– Эти пунийцы грозны только с виду! – сказал Георгий своим товарищам.

Ксантипп согласно кивнул. Спартанцы, неторопливо прогуливаясь, изучали город, смотрели по сторонам.

Неопрятные пунийские воины бестолково шлялись по городу, неумеренно пили, орали непристойные песни, задирали горожан, приставали к женщинам.

– Если бы у них был достойный командир, – громко произнёс Ксантипп, – то они не вели бы себя так!

– Как так? – его слова услышал здоровенный пышнобородый ливиец. Похоже командир какого-то отряда. Шёл он во

главе разномастных вояк.

– Как стадо трусливых баранов, пытающихся с помощью наглости выдать себя за львов! – спокойно ответил Ксантпп.

– Слышали? – взревел после таких слов гигант-ливиец. – Он нас оскорбляет! – призвал он других наёмников на поддержку.

Вскоре около полусотни солдат, в основном ливийцев и пунийцев, окружили семнадцать спартанцев. Те были одни.

Их слуги и оруженосцы в этот момент находились в лагере.

Спартанцы, несмотря на значительное преимущество противника, сохраняли полное спокойствие. Их спокойствие несколько обескураживало. Сбивало с толку.

Но ливийский командир вознамерился во что бы то ни стало подраться, поэтому кипятился всё больше и больше.

– Эти эллинские ублюдки оскорбляют нас – честных воинов! – кричал он, винные пары всё больше вдохновляли его. – Мы должны дать им отведать наших кулаков! Бей их!

После этого он ринулся на спартанцев, увлекая за собой толпу гомонивших вояк. Драка началась около торговых рядов, а потом и вовсе сместилась в сторону прилавков.

Спартанцы дрались слаженно, умело подстраховывая друг друга, превратившись в многорукий и многоногий боевой механизм. Выверенные удары опрокидывали нападающих. Слышались крики, причитания торговцев, прилавки разле-

тались от падающих тел, по земле катились фрукты. Вот подхваченной с прилавка телячьей ногой один из спартанцев сокрушил двоих нападавших. Пока никто не хватался за мечи, но, похоже, к этому шло. Гигант-ливиец надеялся победить Ксантиппа, но тот уворачивался от стальных лап и наносил мощные удары. Один глаз ливийца заплыл, из носа текла кровь. Он хрипел от бешенства, не понимая, почему никак не удаётся сокрушить худощавого, пусть и жилистого, противника. Совсем не Милон Кротонский⁷.

К ливийцам и пунийцам постоянно подбегало подкрепление. Поэтому, несмотря на то, что уже несколько десятков нападавших вышло из строя, преимущество их сохранялось.

Однако уверенность и ловкость спартанцев всё больше и больше начинали внушать уважение. Нападающие стали терять азарт, а люди, находящиеся на рынке, громко выражали поддержку обороняющимся. Только торговцы, прилавки которых подверглись разрушению, громко кричали, горько сожалея по поводу убытков.

Сколько бы продолжалась драка и чем бы она закончилась – предсказать трудно. Выносливых спартанцев не зря сравнивали с боевыми машинами! Пока они брали верх как над усталостью, так и над натиском врагов. Но тут, громко стуча по щитам мечами, появились отряды карфагенской стра-

---

⁷ Милон Кротонский (Милон из Кротона) – знаменитый греческий атлет, живший около 520 г. до н. э. Он шесть раз оставался победителем на Олимпийских играх и несколько раз на Пифийских.

жи. Драка на базаре вызвала большой переполох в городе, так что более тысячи вооружённых стражников под командованием полководца Гамилькара⁸ со всех сторон окружили базарную площадь. Кто-то пустил слух, что римляне ворвались в город, поэтому стражники были готовы ко всему. В том числе и к бегству.

– Прекратить! – громко крикнул Гамилькар, поняв, что это передрались наёмники. – Иначе лучники перестреляют всех дерущихся!

Его слова повторяли глашатаи.

И драка стала затихать. Получить стрелу в бок никто не испытывал желания.

– Кто такие? – обратился Гамилькар к стоявшим плотной группой спартанцам.

– Из Лакедемона. Спартиаты, – коротко ответил за всех Ксантипп. – А ты кто?

Гамилькар опешил от столь фамильярного обращения, но стерпел.

– Спартиаты! – повторил он.

От него не укрылось, как отреагировали на это слово другие воины, некоторые из них недавно напали на этих самых спартиатов, и теперь на их лицах вместо злобы появилось уважение.

---

⁸ Гамилькар Барка (Hamilcar Barca) (г. рождения неизвестен – умер 229 г. до н. э.), карфагенский полководец периода 1-й Пунической войны (264–241 гг. до н. э.).

– Очень рад приветствовать воинов славной Спарты. Но новых Фермопил у нас в Карфагене устраивать не надо! Особенно здесь – на базаре, – Гамилькар решил пошутить для разрядки обстановки. Его солдаты хохотнули.

– Пока не будем! – усмехнулся Дианек, опытный воин, прошедший не одну военную кампанию. Его предок снискал славу именно при обороне Фермопил от полчищ персидского царя Ксеркса.

– Спартанцы... спартанцы... – донеслось со всех сторон. Гамилькар соображал, как ему поступить. За драку надо бы наказать участников, но репутация спартанцев вполне может поднять дух приунывших от последних поражений карфагенян и солдат. Тем более, что это очень нужно, так как римляне находятся недалеко от пунийской столицы. К тому же спартанцы стояли спокойно, не проявляя агрессивности, не имея намерения продолжать побоище. И у противников после слова «спартанцы» также пропало желание ссориться.

Здоровяк-ливиец, который и заварил всю кашу, поспешил спрятаться в рядах своих товарищей.

Так началось пребывание спартанцев на территории карфагенян. Раньше карфагеняне сталкивались со спартамцами на Сицилии, куда на помощь в борьбе с карфагенянами призывали спартанцев правители городов, особенно тираны Сиракуз. Спартиаты выполняли на Сицилии в основном командно-офицерские функции, причём достаточно успешно. Это карфагеняне не раз почувствовали на своей шкуре.

Впрочем, и они в долгу не остались, заманив в ловушку спартанского принца Дориея. Маленькая группа спартанцев отчаянно сражалась, но пала под пунийскими стрелами и копьями. С тех пор прошло почти две сотни лет. В последующих стычках и сражениях сицилийцы, чаще всего сиракузяне, ведомые спартанскими командирами, ни разу не проиграли. А пунийцы с тех пор относились к спартанцам с опаской и уважением. И стали, когда возникала возможность, нанимать на службу.

4

После драки на рынке слух о прибывших спартанцах быстро распространился как среди карфагенского войска, так и среди жителей города и его окрестностей. А сама драка уже обросла легендами.

К спартанцам приходили знакомиться — воины, именитые горожане, куртизанки и вполне солидные дамы. Почти каждый спартанец обзавёлся любовницей. В отличие от большинства эллинов в среде спартиатов любовь к представителям своего пола разрешалась только платоническая, а за физический контакт, то есть гомосексуализм, легко можно было стать изгоем спартанского общества. Об этом писали Ксенофонт и Плутарх. Как шутил Брасид: «Афиняне нас не любят за то, что мужчинам, в том числе и афинским, в любви мы предпочитаем женщин».

Ксантипп раньше сильно скучал об оставленной в Спарте девушке. Правда, с годами боль притупилась, тем более, что в его объятиях с тех пор побывало немало женщин. Природа брала своё! Спартанцы умели нравиться женщинам, хотя им не хватало обходительности и пышноречия афинян. Зато выносливость, смелость, мужественность были налицо. К тому же, никто среди эллинов так уважительно не относился к женщинам, как спартанцы. Хотя женщины за пределами Спарты сильно отличались от настоящих спартанок. Где им до горделивой стати, уверенности и умения сдерживать эмоции!

Впрочем, раскованные, жгучие карфагенянки тоже представляли интерес, тем более, что они не сковывали себя законами приличия. Единственное, что отвлекало от этих приятных общений, – то, что очень близко расположилось римское войско, которое собиралось в ближайшем будущем овладеть Карфагеном.

Как-то вечером к спартанцам пришла очередная группа наёмников, в основном состоящая из эллинов, фракийцев и ливийцев. Среди ливийцев оказался и тот здоровяк, который организовал драку на рынке. Его звали Мейлик. На этот раз он держался более чем застенчиво, проявляя всяческое уважение лакедемонянам. Волновало их всех одно – как быть дальше? Они, наёмники, нанялись на службу пунийцам, чтобы заработать побольше денег, а совсем не затем, чтобы сложить голову в бесславных битвах с римлянами, а то и того

хуже – попасть в плен и стать рабами. Веры в карфагенских полководцев у них не было. Неудачи, если можно разгромные поражения назвать просто неудачами, повергли солдат в тоску. Наслышанные о воинской доблести спартанцев, наёмники шли к ним за советом.

Эта вечерняя встреча началась с извинений и покаяний ливийца Мейлика. Ксантипп от лица всех спартиатов принял извинения. Спартанцы, будучи эллинами, всё же достаточно ровно относились к варварам. Особенно, если они были воинами, к тому же, смелыми и сильными воинами. А Мейлик как раз и был таким, ему только спартанской выучки не хватало.

Ежевечерне у спартанских палаток проходили встречи с воинами карфагенского гарнизона и наёмниками. Вскоре Ксантиппу пришлось отказаться от спартанской лаконичности, чтобы высказать свои соображения по поводу дальнейшей стратегии и тактики.

– Есть всё, – начал он, – чтобы не только отбиться от римлян, но и выиграть эту войну. Если бы у нас, спартанцев, была хотя бы пятая часть ваших сил, то вся Эллада и Македония принадлежали бы нам. Просто пунийцы не умеют правильно распорядиться своими силами. Надо уметь грамотно командовать, подготовить отряды к решающему сражению, научить их взаимодействовать между собой. Если бы я командовал карфагенской армией, то мы бы разбили римлян!

Всем слушавшим хотелось верить его словам.

Тем более, Ксантипп умел внушить уважение окружающим. Никто даже и не попытался обвинить его в самоуверенности или хвастовстве. Слухи о спартанце, который готов возглавить армию и обязательно привести её к победе, стремительно распространились по войскам. Потом о нем заговорили горожане. Докатались они и до властителей Карфагена. Каждый из них получил донесения шпионов. Кто-то был возмущён наглостью спартанца, а кто-то задумался.

Просто отмахнуться от разговоров о Ксантиппе было невозможно. Разуверившиеся было в удаче войска воспрянули духом. Нашелся человек, способный изменить положение, победить врага.

Воины как-то сразу поверили в Ксантиппа. Он стал их последней надеждой. Когда все плохо, так хочется поверить в чудо. В этом была и некоторая заслуга слуги Ксантиппа – Ореста, который бродил по Карфагену, общаясь с самыми различными людьми, но больше всего с разговорчивыми женщинами на базаре. Им он поведал, что Ксантипп – потомок легендарного героя Геракла, а также приписал ему родственные связи с героем Фермопил царём Леонидом и знаменитым полководцем времён Пелопонесской войны Брасидом, который вытащил Спарту из череды поражений и дал возможность победить Афины. Женщины ахали, внимательно ловя каждое слово. А кто лучше женщины поможет распространиться слухам?!

Орест очень хотел, чтобы его хозяин возвысился, действи-

тельно считая, что Ксантипп рождён для великих дел. Если бы Ксантипп знал, какие разговоры идут вокруг его имени! Нелегко признать, что ты стал последней надеждой.

Только сильный духом не убоится подобной ответственности. Но силы духа спартамцам не занимать! А он же – спартанец!

Когда карфагенские сенаторы собрались на очередной Совет, то разговор быстро перешел на Ксантиппа.

– Кто слышал про этого дерзкого спартамца? Он заявляет, что под его командованием римляне давно были бы разбиты! Обвиняет наших полководцев в бездарности! Какое нахальство! – начал Совет Ганон, толстый, богатый и влиятельный пуниец, чья торговая империя протянула щупальца во все известные края Ойкумены.

Его корабли добирались до далёких северных островов, где проживали кельты и бритты, а торговые караваны доходили до далёкой загадочной Индии. И он, как и большинство богатых членов Совета, занимавшихся торговлей и ростовщичеством, совсем не хотел потерять свои богатства, если римляне возьмут Карфаген. Поэтому и возник у него неподдельный интерес к словам спартамца Ксантиппа. Своим полководцам Ганон больше не верил, слишком много было в последнее время поражений.

– Да, слишком уж дерзок! – поддержал его слова Ганнибал (конечно же, не тот, который прославится во Вторую Пуническую войну, просто это имя было очень распространено у

пунийцев).

И все члены Совета после этих слов возмущённо загудели.

– Ближе всех к этим спартанским наёмникам, если не считать шпионов, приближался Гамилькар, – Ганон всё уверенней брал на себя ведение Совета. Его главные соперники в борьбе за пальму первенства – Магон и Газдрубал – сегодня выжидательно молчали. – Послушаем, что он скажет.

– Да, это так. Я первым прибыл на драку, завязавшуюся на базаре, – подтвердил Гамилькар.

– Ну и как? – поинтересовались члены Совета.

– Надо отдать им должное – драться они умеют! – усмехнулся Гамилькар.

– Но драка на базаре и серьёзная битва – совсем не одно и то же! – наконец нарушил молчание Магон.

– Смею заметить, что спартанцы умеют драться не только на базаре, – голос Гамилькара был донельзя ехиден. – Они только и делают, что воюют или готовятся к войне!

– То есть ты, Гамилькар, считаешь, что этот спартанец действительно мог бы возглавить армию? – сквозь зубы задал вопрос Газдрубал.

– Я ничего не считаю, – отреагировал Гамилькар, презрительно посмотрев на Газдрубала. – Но в него поверила большая часть нашего войска, а это имеет значение! Наши генералы своими постоянными поражениями подготовили почву, чтобы все начали верить в чужака. О нём говорят даже мои жёны и наложницы!

– Видать, истосковались по сильному мужчине! – попытался поддеть Гамилькара Магон.

– Если мои женщины об этом только говорят, то ваши из спартанской палатки почти не вылезают! – парировал Гамилькар.

Ганон внимательно слушал этот обмен колкостями. Для себя он уже решил, как поступить. Внутреннее чутьё подсказывало ему довериться спартиату Ксантиппу. Богатство надо было как-то спасти, других вариантов не предвиделось, да и времени на поиски других решений не оставалось. Ещё пара недель, может, чуть более, и римляне приступят к осаде Карфагена. Пока они ещё медленно приближались, грабя окрестные сёла, городки и поместья, запасаясь фуражом, необходимыми материалами для осадных орудий, рассчитывая, что паника, постепенно разлагающая Карфаген, поможет овладеть городом, может, даже без штурма или затяжной осады. Или пунийцы сами вынесут ключи от города и сдадутся на милость победителя. Консул Марк не сомневался в победе. Но этого допустить было нельзя.

– Вы понимаете, что говорите? – продолжал бушевать Газдрубал (он был в числе проигравших последнее сражение командиров). – Неизвестно откуда взявшемуся спартанцу отдать командование армией, которую он за несколько недель, а то и меньше, должен будет научить побеждать? На такую милость богов рассчитывать смешно!

– Кончится всё тем, – сказал Ганнибал, чутко ощутив на-

строения Ганона, а его умению делать правильный выбор в любой ситуации завидовали многие, – что мы будем гадать, спорить, говорить, пока римские легионеры пиками не выгонят нас из здания Совета.

– Мы слишком рискуем, отдавая войска под командование чужестранцу! Это неслыханно! – упрямо отстаивал своё Магон, который частенько поддерживал мнение Газдрубала.

– Он тоже рискует! – напомнил Гамилькар.

– Чем же это?

– Головой! Всего лишь головой! Может, кто-то из вас на этих же условиях желает сам командовать армией? – разошёлся Гамилькар.

– Ты же знаешь, – проворчал Газдрубал, – наше дело – зарабатывать деньги, вести большую политику.

– А кровавую, грязную работу должен выполнять кто-то другой! – закончил его фразу Гамилькар.

– Какой смысл спорить, не видя человека? – Ганон решил, что пришла пора к принятию решений. – Пусть приведут спартамца Ксантиппа! Надо поговорить с ним, прежде чем принять окончательное решение.

5

За Ксантиппом пришли четыре карфагенских офицера в блестящих доспехах, а также восемь рабов с роскошными золочёными носилками.

Офицеры передали Ксантиппу приглашение на Совет, рабы опустились на колени, ожидая, когда Ксантипп возьмется за носилки.

– Это высокая честь! – заметил один из офицеров.

– Честь, по вашим понятиям, может быть и высокая! – ответил Ксантипп, окинув взглядом носилки. – Но я вынужден отказаться. Пока что сам ходить умею. И надеюсь, боги не допустят, чтобы я передвигался только на носилках!

И Ксантипп отправился в Совет в сопровождении офицеров. Спросил у них о цели приглашения. Ответ прозвучал уклончиво. Они сами этого не знали. Ксантипп догадывался, что слухи о нем дошли до правителей Карфагена. Но чем грозит ему встреча с ними? Дурость, не ограниченная законами, кроме законов наживы, может привести к непредсказуемым последствиям. От награды и возвышения до гибели или падения всего один шаг.

Но соратники не оставили его одного. Спартанцы, привыкшие держаться друг за друга, шли в отдалении.

В случае неудачного исхода встречи Ксантиппа с Советом Карфагена они готовы были штурмом взять дворец правителей Карфагена, который охраняли сотни стражников.

Ксантиппа ввели в просторную комнату, освещенную десятком факелов.

– Клянусь Мелькартом!⁹ – вырвалось у Магона. Он ожи-

---

⁹ Мелька́рт, Мелике́рт (от греч. Μελκέρτης, эллинизированное финикийское Milk-Qart, «царь города») – в финикийской религии и мифологии – бог-покро-

дал увидеть атлета. – Он не похож на Геракла!

– Тебе приходилось видеть Геракла? – усмехнулся Ксантипп.

Магон поперхнулся. Ганон хохотнул. Ему было приятно, что спартанец так просто поставил на место его конкурента.

– Говорят, что если ты будешь командовать нашей армией, то римляне будут побиты. Это правда? – обратился к Ксантиппу Газдрубал.

– Если я буду командовать армией, то она научится сражаться, и тогда римляне потерпят поражение, – спокойно сказал Ксантипп.

– Откуда такая самоуверенность? – хмыкнул Озмилк.

– Это не самоуверенность. Это уверенность. – Ксантипп рисковал. Но рисковал осмысленно.

Он уже успел изучить, что представляет собой армия Карфагена, отметил её слабые и сильные стороны. Слабых оказалось больше, зато сильные можно было развить. С римской армией он был знаком меньше. Только понаслышке. Но зато всё говорило о самоуверенности римлян, уверившихся в бесконечных победах. А это являлось несомненным козырем. Пока единственным, но на то и существует разведка, чтобы восполнить недостаток информации. И ещё он расспрашивал всех тех, кому раньше приходилось сражаться с римлянами.

– Если мы доверим тебе армию, то какие гарантии победы

ты нам предоставишь? – спросил Ганон. – Чем ответишь в случае поражения?

– Только головой! – невозмутимо ответил Ксантипп.

– Твоя голова против всего нашего государства?! Не велик заклад! – усмехнулся Газдрубал.

– Кому как, мне моя голова при этом раскладе дороже всего Карфагена! – Ксантипп продолжал вести себя дерзко. – Лишь родная Спарта стоит моей головы!

– Но у тебя наверняка будут какие-то условия, если ты решишь возглавить нашу армию? – поинтересовался Гамилькар, которому импонировал спартанец.

За его гордое поведение утончённые царедворцы называли бы его грубым и невоспитанным. «Что можно взять с солдафона, воспитанного на кровавой чечевичной похлёбке?» – сказали бы они.

– По таланту золота и таланту серебра на каждого из моих соратников. Мне в два раза больше. Неограниченное командование. Чтобы никто не мешал мне руководить армией. И все строго выполняли мои указания. Смею заверить, они не будут направлены против Совета Карфагена и его жителей, – на этот раз Ксантипп был долгоречив. – Я думаю, что это достаточно скромные запросы.

– Скромные... – покачал головой скупой Магон.

– Очень скромные. Или Карфаген уже почти ничего не стоит? – тут Ксантипп на самом деле решил, что продешевил. О чём он не постеснялся сообщить Совету. – Впрочем, –

добавил он, — часть добычи я возьму у римлян, чтобы богатые люди Карфагена не слишком растрясли свои кошельки.

— А пусть, действительно, этот наглый спартак возглавит наши войска! — шепнул Газдрубал Магону. — Если он победит, то никто из наших конкурентов не усилится, а если проиграет, то на нас никакая ответственность не ляжет. За всё ответит чужестранец!

— Согласен, — кивнул Магон. — Тем более, от этих спартакцев можно ожидать чего угодно. Даже победы над римлянами! Ведь побили же они Пирра, я уже не говорю о Ксерксе и афинянах.

— Уж больно их мало осталось, — с сомнением произнёс Озмилк.

— Тем лучше. Если что, то и у нас будет меньше проблем, — Магон понял, что и Ганон склоняется к тому, чтобы доверить войска этому спартакцу. В этом случае лучше всего будет перехватить инициативу.

— И с чего бы ты начал обустройство нашей армии? — тем временем задал вопрос Гамилькар.

— Я бы начал с того, что научил бы солдат ходить по открытой местности, чтобы отучить римлян от неожиданных нападений, — все секреты Ксантипп выдавать не собирався, но кое-что решил рассказать. Чтобы быть убедительным, он начал вспоминать недавние неудачи карфагенян. — Вы помните, конечно, как римляне, взяв город Аспид, осадили Адис, и ваша армия отправилась спасать город от осады.

Всю свою конницу и всех слонов вы загнали на холм, чтобы, как заявляли военачальники, захватить господствующие высоты. То есть те войска, которым нужны ровные поверхности, чтобы показать себя в полную силу, застряли на неровных возвышенностях. И пока они спускались, римляне разбили пехоту. А потом и спотыкающуюся при спуске конницу. То есть ваши командиры сделали самые глупые ошибки, приведшие к поражению. Достаточно? А то можно долго пересказывать, как карфагеняне проигрывали сражения.

– Ладно, достаточно, – среди членов Совета был целый ряд военачальников, участвовавших в том несчастном сражении.

Пока шёл Совет, вошёл офицер.

– Прибыло посольство от римского консула Марка! Требуют принять немедленно! – доложил он.

– Требуют... – эхом пронеслось по рядам Совета. Но в этом эхе звучала лишь горечь, удивления или возмущения уже не было. Римляне могли требовать, требовать по праву сильнейшего! Они побеждали, они были везде, они подходили к Карфагену.

Ксантипп продолжал стоять в центре, сложив руки на груди. Про него на время забыли. Но уйти никто не предложил, поэтому он решил посмотреть на посольство римлян. Римляне, около десяти человек, гордо вошли в зал. Они были одеты не как послы, а как воины. Возглавлял посольство крепкий, лысеющий человек с обветренным лицом и в позо-

лоченных доспехах.

– Меня зовут Гай Марций Сертулиан, – сказал он. – Я послан консулом Марком, чтобы передать следующие требования Рима.

– Мы слушаем, – отозвались за весь Совет Магон, Ганон и Гамилькар.

– Карфаген капитулирует. Выдаёт всех пленных. Пунийцам запрещается иметь армию и военный флот, разумеется, должна будет уплачена контрибуция в размере пятисот талантов золота и тысячи талантов серебра. Все города, уже завоёванные нами, остаются у нас. Вы отказываетесь от своих Иберийских и Сицилийских владений. Военного флота у вас не остается. При выполнении этих требований наш плуг не пройдёт по городу! В противном случае – горе побежденным! Мы сровняем город с землей.

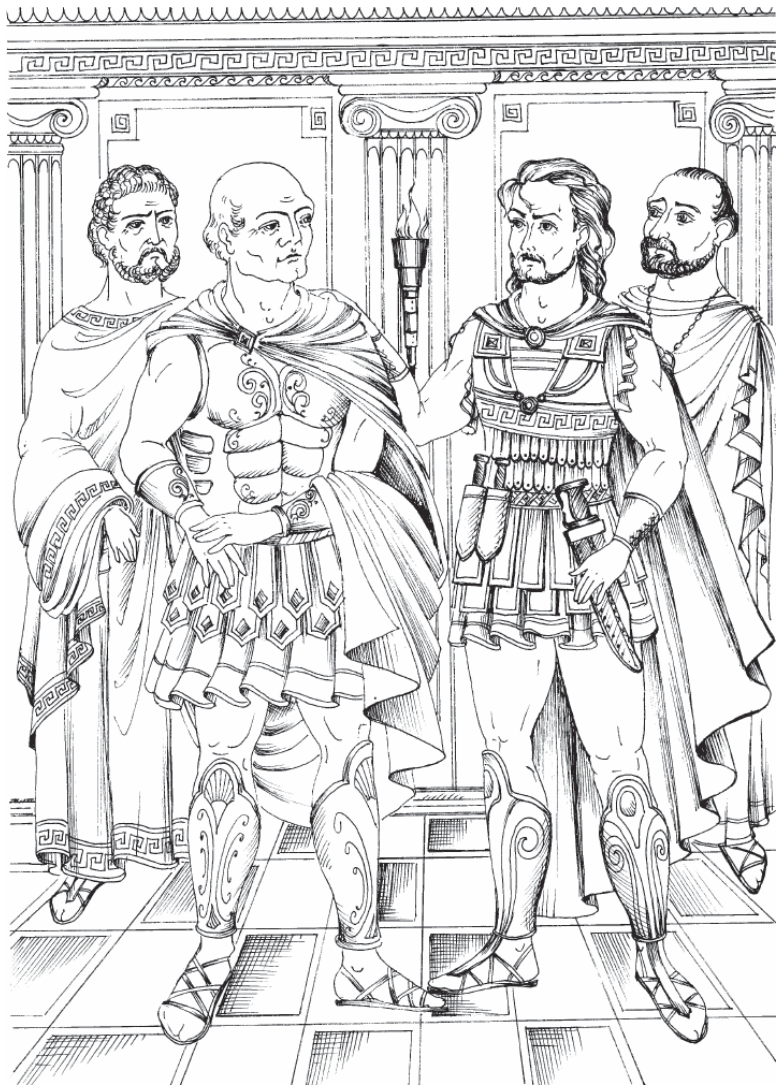
Члены Совета повскакивали с мест и закричали:

– Не бывать этому! Это хуже смерти!

– Тогда вас ждёт гибель! – заявил Гай Марций.

– Мы будем сражаться! – крикнул Ганон.

– И кто же вас поведёт на бой? – Гай Марций засмеялся.

Ксантипп, перестав стоять неподвижной статуей, подошёл к Гаю Марцию, положил тому руку на плечо и спокойно сказал:

– Я.

– Ты? Кто ты такой? – с презрением спросил Гай Марций.

– Ксантипп из Спарты! – представился спартанец.

– Ладно. Я вспомню твоё имя, когда сровняю здесь всё с землёй, – засмеялся Гай Марций.

– Я думаю, что нет смысла расходовать свой пыл ещё до сражения, а то в нужный момент силы духа не хватит, – спокойный тон Ксантиппа сбивал с толку.

Гай Марций резко прервал переговоры:

– Консул Марк даёт вам три дня. Если вы не примете наши предложения, то погибнете! И ваш новый полководец тоже! Как там его? Ксантипп?

– Рад, что хоть проблем с памятью у тебя нет, римлянин. Я постараюсь, чтобы моё имя ты не забыл до конца жизни! – такими словами Ксантипп проводил уходящее римское посольство.

Именно вмешательство Ксантиппа в общение с римлянами окончательно решило вопрос о его руководстве пунийской армией. Принимать столь позорный ультиматум никто не хотел.

– Вставайте, господин! – Орест был настойчив.

Ксантиппу пришлось вскочить с ложа. Время было дорого. А оставалось его совсем мало. Надо было научить взаимодействовать конницу и элэфантерию¹⁰.

Особенно Ксантиппу нравились слоны. Всего их было сорок семь.

– Вот эти «малютки» и решат исход сражения! – сказал Ксантипп, осмотрев слонов.

– Но Александр Македонский справлялся с персидскими слонами, да и римляне, сражаясь с Пирром и пунийцами, научились их побеждать. А здесь и слонов-то – сорок семь! – засомневался Кратид, который по заданию Ксантиппа тренировал наёмников.

– Это смотря как использовать! – ответил Ксантипп, поправляя красный плащ. – Мне будут нужны ещё верблюды!

– А они-то зачем? – удивился Кратид.

– Верблюдов боятся лошади, впрочем, и слонов тоже, – пояснил Ксантипп. – Я собираюсь побыстрее разогнать римскую конницу. У них, конечно, неплохая пехота, но и с ней можно бороться. Главное, разорвать её на части, а на открытой местности небольшие отряды не смогут сражаться с фалангой.

---

¹⁰ Боевые слоны как род войск.

– И как ты этого всего добьёшься?

– С вашей помощью. Нас семнадцать спартанцев, и каждый будет командовать порученным отрядом так, как должно. Спуску на тренировках пунийским войскам давать не надо.

И они старались. Семь потов сходило с солдат на тренировках. В это же самое время Ганон, Газдрубал и Гамилькар обсуждали сложившуюся ситуацию.

– Этот лакедемонянин Ксантипп очень усиленно гоняет солдат, и его соотечественники не отстают. Но при этом и не дают устать войску. Разумные тренировки! – Гамилькар рассказал всё, что увидел сам.

– Он надеется успеть подготовить солдат? – удивился Ганон.

– Мне кажется, спартанец в этом уверен, – улыбнулся Гамилькар.

– Вы ему явно симпатизируете! – удивился Ганон.

– Есть немного. Но ему нравятся только женщины! – отшутился Гамилькар.

Последнее время он подумывал, что неплохо бы сделать спартанца союзником и во внутренней борьбе за Карфаген. А насчет симпатии он пошутил. И он тоже предпочитал любовные отношения с женщинами.

– Чему он учит наших воинов? Неужели владеть оружием? – хихикнул Газдрубал.

– Двигаться! – пояснил Гамилькар. – Спартанец прав –

воинам надо уметь двигаться. Правильное движение заменит несколько лишних ударов мечом или копьём.

– Если Ксантипп проиграет сражение, то Озмилк и Магон обвинят во всём нас! – сказал Ганон.

– Если он проиграет войну, то всем нам будет без разницы, кто виноват! Римляне уравниют наши споры. И вряд ли кто из нас сможет тогда кичиться богатством и знатностью! – глубокомысленно заметил Гамилькар.

– Не слишком ли он становится популярным среди солдатни и черни? – сказал Газдрубал.

– Это и нужно для достижения победы! – возразил Ганон. – Солдаты должны верить в своего полководца.

– Но после победы это может стать лишним! – добавил Газдрубал.

– Вот тогда мы и примем меры! – отрезал Ганон, мысленно решив, что хороший герой – мёртвый герой. Он сказал бы это и вслух, но в последнее время поведение Гамилькара вызывало у него подозрение. Вдруг тот захочет защитить или предупредить спартанца.

– Римляне уже послезавтра собираются начать боевые действия, – заметил Газдрубал, – заканчивается срок их ультиматума.

Ганон слегка побледнел и с надеждой подумал о Ксантиппе. «Дай, Мелькарт, победу нашему войску под предводительством этого спартанца!»

Все ждали начала боевых действий. Ксантипп решил не

затягивать ожидание. Пришла пора воевать! Самому главному – слушать спартанские приказы – он сумел приучить карфагенские войска. Но Ксантипп понимал, что долго поддерживать суровую дисциплину в сборном карфагенском войске будет трудно. Пока у воинов высший подъём боевого духа, надо идти в атаку. И победить!

7

Утром Ксантипп построил войско и произнёс короткую речь.

– Мы выступаем. Наша задача – победить и вернуться!

Отряды мерной поступью, бряцая доспехами, направились к выходу из лагеря. С гиканьем пронеслась конница. Завершали шествие слоны. Именно слонам Ксантипп уготовил роль пробивающей всё силы. Впервые Ксантипп увидел слонов во время своего пребывания в Египте и Сирии. С одним слоном у него сложилось что-то вроде дружеских отношений. Это был индийский слон – здоровенный, умный, отличавшийся горячим характером. К себе он подпускал только погонщика, но потом как-то подпустил к себе Ксантиппа. Позднее Ксантиппу неоднократно доводилось ездить на этом слоне. Сейчас он жалел, что этот слон остался в Египте.

Наёмники, проходя мимо, громко выкрикивали имя Ксантиппа. Он же невозмутимо смотрел на воинство, которое теперь подчинялось ему.

Он не сомневался в успехе. И уверенности в этом ему добавляла самоуверенность римлян, которые, узнав о непокорности карфагенского города, поспешили сразиться.

«Хоть не придётся штурмовать город и тратить время на осаду!» – ободрил свои легионы консул Марк.

Легионеры чувствовали себя уверенно, череда побед уже настроила их на благоприятный исход всей военной кампании.

Вот он – Карфаген! Главный враг! Ещё чуть-чуть, и он падёт к их ногам!

Римляне торопились. Их несколько смутило грамотное перемещение карфагенского войска.

– Клянусь Юпитером, этот сброд начал напоминать настоящих солдат! – покачав головой, с долей удивления произнёс издававший виды центурион.

Но основная масса легионеров не придавала этому серьёзного значения. Настораживало присутствие слонов, но консул Марк надеялся на лучников, которые должны были засыпать стрелами эти «танки древности». Когорты выстроились более глубоко, увеличив фронт. Центурион Гай Марций располагался поблизости от консула Марка.

– Сейчас пунийцы двинут слонов! – сказал консул, посылая лёгкую пехоту вперёд, чтобы сдержать движение слонов.

Но Ксантипп вместо слонов бросил в атаку конницу. Малочисленная римская конница попыталась защитить пехоту, но была сметена в один миг, после чего конница карфаге-

нян врезалась в ряды пехоты. Лучники бросились бежать. Сражение только началось, но Ксантиппу удалось сразу лишить римлян лёгкой пехоты и всадников. Оставалась, конечно, дисциплинированная и многочисленная тяжёлая пехота – её железные когорты и центурии. И вот на них-то Ксантипп и двинул слонов. Лучников для обстрела боевых гигантов уже не было.

Консул Марк попытался исправить положение, послав в атаку когорты легионеров. Но атака получилась неровной, так как легионеры пытались наступать, избегая столкновения со слонами. Те же, кто не смог избежать этого столкновения, не смог им противостоять, погибал под ударами бивней и под тяжестью слоновьих ног. Позади слонов на пегом жеребце, не торопясь, ехал Ксантипп. Сам он не вступал в схватки. Рядом с ним находились Дорией, Дианек и Никандр, остальные командовали различными отрядами.

Кто бы мог подумать, что на подготовку столь слаженных действий ушло всего несколько недель! В атаку пошла фаланга, управляемая спартанцами. Она двигалась неторопливо, выдерживая ритм. По спартанской традиции несколько илотов и периеков с флейтами играли музыку для атаки. Разорванные слонами когорты не смогли противостоять монолиту фаланги, выстроенной по спартанскому образцу. Те, кто пытался сопротивляться, сметался с пути.

Паника охватила римлян. Строй окончательно рассыпался. Уверенность в победе сменилась у римлян ужасом. Цен-

турион Гай Марций увидел Ксантиппа и вспомнил, как, будучи послом, разговаривал с этим спартиатом.

Кровь вспыхнула в нём. Честь легионера, гордость мужественного римлянина бросили его навстречу командующему карфагенским войском. Он желал только одного – отомстить.

Ксантипп тоже заметил центуриона и коротко приказал своим воинам, чтобы тому не мешали. Он тоже хотел сразиться с римлянином.

– Пора и мне размяться! – воскликнул Ксантипп. – Нам надо завершить разговор!

Центурион заметил, что перед ним расступаются, никто не стремится нанести ему удар. Вначале он даже подумал, что это его яростный вид распугивает противника, но потом понял, что так захотел спартанец. Это взбесило его еще больше.

– Сейчас ты об этом пожалеешь! – сказал он, но его слов Ксантипп не услышал, так как уши закрывал коринфского типа шлем.

Спартанец дождался, когда центурион подъехал, размахивая мечом, и громко предложил:

– Сразимся пешими!

Центурион согласился. Лошади пугались находящихся рядом слонов, поэтому плохо слушались поводыев. А спартиат Ксантипп, служивший гоплитом¹¹ в тяжелой пехоте, не

---

¹¹ Гоплит – древнегреческий тяжеловооружённый пеший воин. Слово проис-

достаточно хорошо управлялся с лошадью.

И римлянин, и Ксантипп соскочили с коней одновременно. Гай Марций тут же метнул пиллум, Ксантипп увернулся.

Оба противника были без щитов. Гай Марций обнажил меч, его клинок был почти в два раза больше короткого спартанского меча Ксантиппа.

– Коротковат мечик! – усмехнулся центурион.

– Но до врагов доставать умеет! – ответил Ксантипп.

Гай Марций самоуверенно взмахнул мечом, стремясь обрушить его на голову спартанца. Но боя, как такового, не получилось. Ксантипп перехватил руку римлянина, крутанул, и меч покинул своего хозяина, а сам центурион ткнулся лицом в серый песок. Ксантипп придавил его коленом.

– Ты помнишь, римлянин, я обещал, что ты не забудешь моего имени до конца жизни?

– Помню! – еле выдавил сквозь зубы Гай Марций.

– Так я тебе ещё раз напомню – меня зовут Ксантипп из Спарты! Но сейчас я тебя убивать не буду, чтобы ты подольше помнил мое имя! Не хочу сокращать и упрощать твою жизнь, – после чего встал и сказал товарищам: – Это мой пленник! Доставьте его в наш лагерь!

ходит от названия тяжёлого круглого щита – гоплон (ср. пельтасты, названные по лёгкому щиту – пельте). Впервые появились в спартанской армии.

Разгром римлян был полный.

Спаслись сумели не более пятисот воинов из всей армии. В плен попал и сам консул Марк Регулл.

Ксантипп не мог знать, что историк Полибий, который не любил спартанцев как своих врагов, признал его заслуги и написал: «...Один человек и один совет его сокрушили полчища, которые казались и испытанными, и неодолимыми, превознесли государство, которое со всей очевидностью повергнуто было во прах, и подняли упавший дух воинов...»

Сражение окончилось. А наша история, наоборот, только начинается. Как начинается и история Ксантиппа, о которой гадали самые известные историки, не ведая, что же произошло на самом деле после того, как он победил римлян.

8

Победители шумно отмечали победу над римлянами. Вино и пиво лились рекой. В общем, как обычно после великой победы. Даже родители её – спартанцы во главе с Ксантиппом – расслабились. Вино на этот раз разбавлялось слабо, поэтому в головах шумело.

Наёмники всех национальностей орали: «Слава Ксантиппу!». Эти крики заставляли морщиться карфагенских сенаторов и военачальников.

А затем произошло то, что должно было случиться.

Пунийцы не отличались чувством благородной благодарности. Римляне были разбиты, консул захвачен в плен, и теперь популярность победителя становилась вредной и опасной. А что, если Ксантипп возжелает повести наёмников против Карфагена и взять власть в свои руки? Хватит ли сил у правителей Карфагена противостоять победоносному спартанцу, за которым может пойти не только наёмное войско, любящее удачливых командиров, но и карфагенская беднота, совсем не обожающая своих господ?

Об этом задумались оба карфагенских суфета – Ганон и Магон, вскоре озаботив этой мыслью и большинство членов Совета.

– А если он захочет стать тираном? – полушёпотом говорил Магон почти с каждым из Совета, – спартанцы крайне честолобивы! Вспомните Павсания¹², Лисандра¹³, Клеарха!¹⁴

В этот период в Карфагене начинался сезон празднований в честь Мелькарта и ряда своеобразных, развратных бо-

---

¹² Павсаний, сын Клеомброта (? – 467 г. до н. э.) – спартанский полководец эпохи греко-персидских войн. После гибели царя Леонида в Фермопильском сражении стал регентом его сына Плистарха.

¹³ Лисандр (452–396 годы до н. э.) – спартанский военачальник и флотоводец. О ранних годах жизни Лисандра известно немного. Его отцом был Аристокрит, принадлежавший к клану Гераклидов.

¹⁴ Клеарх (ок. 450–401 гг. до н. э.) – спартанский полководец, происходил из знатного рода, его отец Рамфий играл заметную роль в политической жизни Спарты.

гинь, которые активно поддерживали свободные сексуальные взаимоотношения. Им прислуживали особые жрицы, а иногда и свободные женщины. Это, впрочем, мало волновало спартанцев. У каждого государства свои обычаи. И не им их осуждать. Скорее, подобный обычай в данный момент наемникам из Лакедемона даже нравился. И они собирались им воспользоваться. Но были и значительно более мерзкие и совсем страшные культы. А самыми противными и жуткими среди них были церемонии человеческих жертвоприношений. Если обычные жертвоприношения животных были привычны для эллинов, а спартанские войска приносили в жертву птиц перед каждым боем, то человеческие жертвоприношения вызывали отвращение и ужас.

В этот вечер спартанцы решили навестить жриц любви храма Аштарты¹⁵. Если уж есть такой религиозный культ, то почему бы им не воспользоваться? Говорили, что жрицы храма Аштарты преуспели в любовных утехах. А для героев недавней победы они уж наверняка постараются! Спартанцы пошли почти все, даже верный Орест увязался за Ксантиппом.

Их узнавали, со всех сторон звучали приветственные возгласы. Спартанцы шли спокойно, улыбаясь, иногда отвечая на приветствия. Но судьбе было угодно, чтобы они в тот день так и не добрались до храма Аштарты и не вкусили плодов

---

¹⁵ Астарта (Аштар) в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви; астральное божество, олицетворение планеты Венера.

любви. А виноваты во всём мрачные и суровые обычаи с жертвоприношениями, так распространённые среди карфагенян. Причём богатые карфагеняне с этой целью покупали детей бедняков, усыновляли или удочеряли, а потом этих, как бы своих детей, жертвовали Богу. Чаще всего эти жуткие жертвоприношения осуществлялись через сожжение заживо. А приношение в жертву своих детей считалось угодным Мелькарту, поэтому и старались богачи таким путём заполучить милость Бога. Страшный, противный бог был у карфагенян!

Легенды о слабых и больных детях, которых якобы сбрасывали в ущелье в Спарте, чтобы сохранить породу, на самом деле имеют под собой очень слабую почву. Во-первых, дети в основном рождались сильными и здоровыми, так как их родители были такими. Во-вторых, могли избавляться от детей с сильно выраженными генетическими уродствами. Но тогда почему эта легенда столь распространена, хотя в неё слабо верится? Почему стоит сомневаться в этом спартанском обычае? Да очень просто. Знаменитый царь и полководец Спарты, про которого так много писали Ксенофонт, Плутарх и другие, прозываемый Агесилаем, был маленького роста и хромой с детства. (Его можно сравнить с другим знаменитым полководцем – Суворовым.) Агесилай сам закалил себя тренировками. И вот этот маленький и хромой спартанец чуть не победил Персию на много лет раньше, чем Александр Македонский. Если бы не страх перед гегемони-

ей Спарты и не предательство других городов Эллады, глядишь, так бы и произошло! Как видите, никто его ни с какой скалы не сбросил! Вспомните, как часто из недоношенных детей вырастают крепкие и сильные люди! Ну, если уж сильно выраженное уродство налицо, то тогда другое дело! Времена жестокие!

Но мы отвлеклись. Вернёмся в Карфаген, где по людным улицам шло с дюжину спартанцев и несколько их слуг из илотов и периэков. Сначала никто не обратил внимания на две роскошные колесницы. В них ехали важные господа с солидными матронами вместе с детьми. Детям было от двух до пяти лет, в ручках они держали фрукты. Колесницы подъехали к мрачному зданию, похожему на храм.

Вслед за господами из колесниц вышли дети: две девочки и три мальчика. Какая-то старушка в лохмотьях всплеснула руками и воскликнула:

– Опять сердешных на жертву привезли! Бедные детишки!

Краем уха Ксантипп услышал её слова и посмотрел в сторону детей. И этого оказалось достаточно.

Одна девочка напомнила ему младшую сестрёнку (говорят, у него и самого где-то такая же дочка бегает). Может, что-то подобное почудилось и его соратникам. Им бы пройти мимо, посетовав на жёсткие порядки Карфагена, но эти упрямые спартанцы опять нарушили чужие обычаи! Уж очень они им не по душе пришлись.

Здание, к которому привезли детей, было храмом Ваала. Это то ли второе воплощение Мелькарта, то ли его приятель. Страшный бог, если высеченную его фигуру у входа сопоставить с истинным обликом, жаждущим детских душ!

Спартанцы во главе с Ксантиппом уже шли к колесницам, расталкивая служителей храма и господских слуг.

Соппротивление им оказывали слабо, слишком решительно выглядели спартанцы, и слишком громкая слава распространилась о них! Победители римлян!

Ксантипп поймал пробежавшего мимо горожанина и, тряхнув за плечо, спросил:

– Как здесь приносят жертву?

– Сжигают в специальной печи! – ответил тот быстро, не желая, чтобы его ещё раз трясли.

– Живьём?

– Ага! – осторожно ответил горожанин.

И тут же поспешил убраться подальше, так как услышал много нелестного и лаконичного в адрес правителей Карфагена из уст спартанцев.

По счастью, у спартанцев хватило благоразумия никого не убить и не покалечить. Раздав несколько оплеух важным господам, их слугам и служителям культа Ваала, они подхватили детей на руки и вернулись к себе в лагерь. Сегодня им уже было не до жриц любви!

Собрались в штабной палатке в мрачном настроении. Ксантипп понимал, что подобная дерзость может им много-

го стоять. Необходимо было подготовиться к реакции правителей Карфагена. Пересилит ли их слава спасителей Карфагена нарушение местных религиозных обычаев? Это был культ местных богачей, так нелюбимый простым людом Карфагена и окрестностей. Не воспользоваться ли поддержкой бедноты?

Ксантипп прикидывал разные варианты.

Полувеком позднее Клеомен и Набис, пытаясь возродить былую славу Спарты, прибегнут к помощи простого народа против олигархов Ахейского союза и Македонии, чем произведут большой переполох. А Набис впоследствии будет успешно сопротивляться даже самому Риму. Недаром римляне так уважали Спарту, считая спартанцев одними из своих предков. А совсем уж захиревшая Спарта номинально оставалась независимым союзником Рима вплоть до падения Римской империи. А одного спартанца в период расцвета Рима, который очень дерзко вел себя в сенате, за что любой другой был бы казнен, пощадили только за то, что он был потомком великого Брасида. Заметьте, что Брасид не был царем, а был просто обычным спартанским воином, добившимся славы только своими копьем и мечом, ну и, конечно, разумной головой и благородством. Он до сих пор остается образцом настоящего воина. Философы проводили параллель между ним и Ахиллом. Об этом можно прочитать и у Платона.

Но вернемся в Карфаген, в шатер спартанцев-наемников.

– И что ты собираешься делать с детьми? – спросил практичный Орест, взволнованный, как всегда, больше всех. – Не с собой же по всей Ойкумене таскать?

– Зря я, что ли, разбив римлян, заработал столько денег? – усмехнулся Ксантипп, быстро успев продумать, как поступить.

– То есть? – не понял Орест.

– Найду добрую, бедную, но честную семью и отдам туда на воспитание детей. Пока они будут приглядывать за детьми, будут получать деньги. Сразу я им всё не отдам, а то закончатся, глядишь, и интерес к детям пропадёт. В Карфагене банков много, через один из них деньги и будут регулярно выплачиваться. Если за детьми будут хорошо следить, то и хорошие деньги получать будут. И жить безбедно. Понятно тебе?

– Может, тогда лучше я за детьми послежу? – пошутил Орест.

– Можешь и ты. Но неужели ты оставишь своего хозяина странствовать в одиночку? Тем более, когда в моем кошельке завелись деньги?

– Пожалуй, не оставлю. А то вы без меня пропадёте. И деньги тоже потеряете. Я-то вас знаю! Ни поесть, ни отдохнуть по-нормальному. Во всём, что не касается войны, вы беспомощны.

– Преувеличивать-то не надо! – возмутился Ксантипп, хотя в душе он прощал Оресту все подобные высказывания.

А тем временем скандал с оскорблением бога Ваала и его жрецов вместе со знатными горожанами нарастал.

Жрецы побежали в Совет с жалобами на оскорбителей. Знатные горожане предпочли не рисковать. Кто этих спартанцев знает? Пусть жрецы со всем этим разбираются.

В Совете успели прослышать про святотатство и готовились принять действенные меры. И тут выяснилось, что этими оскорбителями являются никто иные, как прославившиеся в недавнем сражении спартиаты, которые, как ни крути, спасли Карфаген от римлян.

– Удачное стечение обстоятельств! – узнав о происшедшем, прошептал Магон. – Теперь у нас есть законные обстоятельства, чтобы избавиться от этих опасных гордецов!

9

– Мы, разумеется, очень благодарны вам за помощь при защите от римлян, – начал свою речь Магон перед спартанцами, во главе которых, скрестив руки на груди, стоял Ксантипп.

Вместе с Магоном на скамьях расположились Ганон, Озмилк и Газдрубал. Гамилькара, как излишне симпатизировавшего спартанцам, пригласить на беседу «забыли».

– Однако ваше оскорбление бога Ваала и его жрецов не может пройти безнаказанно, – встрял, стараясь говорить как можно более грозно, Озмилк. – Жречество и знать взволно-

ваны, возмущены произошедшим, мы стараемся скрыть, кто во всем виноват, но так долго продолжаться не может!

– У нас принято защищать детей! – ответил Ксантипп одной фразой.

– В трудное положение вы нас поставили, – Магон старался изображать сочувствие к спартамцам. Мол, я за вас, вот только жрецы и проклятый Озмилк давят.

В глубине души он жалел о выплаченных спартамцам деньгах и с удовольствием отобрал бы их обратно. Но, понимая, какие настроения царят в армии и среди простого народа, опасался серьезных волнений, а то и мятежа. Безопасней было спровадить спартамцев по-хорошему.

– И что вы хотите предложить, чтобы успокоить жрецов Ваала? – спросил Ксантипп.

Он чувствовал себя спокойно, так как дети уже были пристроены в одной хорошей доброй семье в пригородном селе, а угрозы непосредственно для себя он не опасался. Чем можно напугать одинокого воина? Ксантипп понимал, что командовать карфагенской армией ему больше не дадут. Задача выполнена – римляне разбиты, Карфагену более ничего не угрожает. Остаётся либо воспользоваться популярностью среди наёмных войск и простолюдинов и захватить власть в городе, либо успокоиться, получить вознаграждение и отправиться на родину, чтобы жить спокойно и богато. Или, может, ещё какой вариант появится? Ксантипп уже предполагал, что ему скажет Магон.

– Мы пока затянем расследование со святотатством в храме, – начал излагать Магон. – А вас мы побыстрее со всеми почестями торжественно проводим из страны, отблагодарив за всё совершённое. Все оставшиеся деньги вы получите полностью.

Спартанцы переглянулись. Этого им было достаточно, чтобы принять решение. К другим вариантам они были не готовы.

– Пусть будет так! – ответил Дианек.

На этот раз Ксантипп уступил право решать своим товарищам. Он терял больше, поэтому здраво рассуждать ему было сложнее. По давней традиции, высказывать мнение должен самый рассудительный. А у них в товариществе самым рассудительным считался Дианек, который спокойным благородством, честностью и исполнительностью пошёл в своего достойного предка – героя Фермопильского сражения.

– Вот и хорошо! – сказал Магон. – Мы подготовим торжественные проводы, дадим вам корабль, который доставит вас туда, куда вы пожелаете! Остатки денег из обещанного вознаграждения мы завтра же выплатим. Вам остаётся только подготовиться к отплытию, а нам – подготовить торжественные проводы. Но все должно произойти непременно завтра! Тогда святотатцев просто не найдут, и никто не узнает о вашей причастности к этому. И вам хорошо, и нам спокойно!

Ксантипп тем временем размышлял, и, надо признать, что его мысли были грешны. А именно: он думал о том, что сто-

ит или нет попытаться взять в свои руки власть в Карфагене? Уже были спартанцы, захватывавшие власть в отдельных городах, но никто не пытался овладеть столь могущественным и крупным городом, как Карфаген. Этот город не был для Ксантиппа родным, поэтому захватить его было бы вполне нормальным делом, тем более, что простолюдины были на его стороне. Их замучили думающие только о себе богатые управители города. Наемные войска после славной победы с радостью его поддержат. Тот же Мейлик со своими ливийцами.

Конечно, подобные мысли в голове Ксантиппа появились от скрытой обиды. Он надеялся, что его оставят во главе армии! Слава Александра Македонского или хотя бы Агесилая влекла любого воина. В том числе и его. А тут от него спешили избавиться! И повод для этого он предоставил сам, но было видно, как за него поспешили ухватиться правители Карфагена. При внешней спартанской выдержке и невозмутимости Ксантипп совсем не был лишён честолюбия. Ну, а авантюризм у наёмников в крови! Иначе – какой из тебя искатель приключений?

Однако желания не всегда властны над судьбой.

Ксантипп здраво рассудил, что за столь короткий промежуток к захвату власти не подготовиться. Всего один день в запасе! После победы на поле боя стать неудачником на ниве мятежа не очень хотелось. Оставалось только откланяться и отплыть от этих берегов тратить заработанные богатства.

Ксантипп с друзьями, не проявляя внешне никаких эмоций, поблагодарили Совет Карфагена, больше говорить было не о чем.

Но тут вмешался Ганон:

– Вы можете отплыть, но те, кто не участвовал в нападении на жрецов, могут остаться на службе в карфагенской армии. Хорошие офицеры нам нужны, а платить обещаем достойно!

Из всех спартанцев только четверо не участвовали в спасении детей от жрецов Ваала. Они переглянулись с Ксантиппом и Дианеком, затем трое сказали:

– В случае достойной оплаты мы готовы остаться служить Карфагену. Нам нечего делать в Спарте, имений давно нет, родных почти не осталось. Мы неплохо заработали, но в отличие от Ксантиппа нам этого не достаточно. Мы надеемся, что наши соратники поймут и простят нас!

– Мы славно сражались вместе. Память об этом пребудет с нами до скончания века, – ответил за всех остальных Ксантипп. – Может, вам повезёт больше, чем нам!

И спартанцы отправились готовиться к отплытию.

Орест тщательно пересчитывал деньги. В другой ситуации он бы радовался подобному богатству. Но пока радоваться он не торопился. Это была только часть заработанного в Карфагене. Основные деньги и подарки пунийцы обещали привезти завтра с утра, перед самой отправкой, прямо к кораблю.

– А если не привезут? – бурчал себе под нос Орест. – А если шторм? А если пираты? Мимо Крита ведь пойдём! А эти скопидомы пунийцы наверняка привезут меньше, а на причале не проверишь! Эти пунийцы – жулик на жулике. Все их богатства от обмана!

– Если ты, Орест, начинаешь ворчать, то сварливым Эриниям нечего делать! С горя, что они не смогут вставить и слово, скончаются! А все злобные мегеры прибегут учиться у тебя, как ругать своих мужей, – засмеялся Ксантипп, потом съязвил: – Иногда я думаю, что взял тебя в слуги не в Лакедемоне, а в царстве Иудейском!

– Вот-вот, вы всегда так говорите, а потом и ходите с одним копьём да щитом, ни денег, ни земель не накопив, – теперь Орест начал ворчать уже на Ксантиппа, – а про царство Иудейское вы зря говорите, хотя я бы вас и тамошним ростовщикам в обиду бы не дал! А то они вас, наивного воина, обдурят и с одним копьём оставят! Как это у них обычно бывает. Есть, конечно, и там хорошие люди, но нам-то в основном ростовщики да менялы попадаются! И как вы так спокойно к заработанным деньгам относитесь? Не понимаю!

– Не в деньгах счастье! Цена у них есть, но слава дороже! И, к тому же, чего переживать? Нам нынешних богатств хватит на долгую богатую жизнь! Я с тобой тоже поделюсь, – примирительно сказал Ксантипп. – Денег теперь у нас хватит на всё!

– Если их привезут завтра на корабль, и если нам удаст-

ся доставить их до места назначения! – продолжал сетовать Орест. – А я что-то в этом сильно сомневаюсь!

– Не каркай! – засмеялся Ксантипп.

У него, смирившегося с судьбой, было благодушное настроение. Не хотелось ни спорить, ни злиться, ни сетовать на неудачу.

Но Орест продолжал ворчать.

Детей у него не было, поэтому в качестве воспитуемого он использовал Ксантиппа.

Они уже собирались ложиться спать, когда кто-то тихонько скользнул к ним в шатёр. Ксантипп автоматически схватился за меч, но тут же успокоился, узнав вошедшего.

– Я зашёл к тебе, Ксантипп, – сказал очень тихо Гамилькар, а это был именно он, – совсем не для того, чтобы пожелать тебе спокойной ночи!

– Зачем же тогда?

– Я уважаю тебя, Ксантипп, как воина и как полководца, поэтому не хочу, чтобы свершилась несправедливость. Наши правители хотят, чтобы корабль, на котором ты завтра отплывёшь, никогда не достиг берега. И ты вместе с ним! Не любят они умных и популярных у простого народа. Даже своих! А ты – чужеземец, ещё и унизил всех полководцев великого Карфагена, показав, как они мало значат по сравнению с тобой. Они не устояли перед римлянами, почти сдались, а ты пришёл и просто взял да и разбил римские войска. У нас такого не прощают! Не только чужакам, но и своим.

Пока ты им нужен – терпят. Но как только они добиваются своего, так у героев начинаются проблемы. Открыто убивать, предавать не будут. Заботятся о репутации! Всё сделают так, чтобы окружающие ничего и не поняли! Отравят, устроят так, чтобы произошла случайная гибель на охоте или ещё что-нибудь. Или колесница вдруг в обрыв понесётся... Ну, а тебе уготованы торжественные проводы и пробоина в днище корабля. И ты с тайной своей гибели упокоишься на дне морском.

– Они что, утопят и весь свой экипаж? – Ксантипп без лишних расспросов стал уточнять детали, понимая, что завтра утром кричать о предательстве и измене ему не дадут.

Что он приведет в доказательство?

Гамилькар же свою помощь ограничит лишь предупреждением. И на том огромное спасибо! Это же большой риск для карфагенского сановника. Ему-то здесь жить и служить этому государству!

– Думаю, что нет. Ночью, когда вы заснёте, матросы прорубят днище судна и отплывут на лодке до сопровождающего второго корабля, – ответил Гамилькар. – У вашего почётного эскорта будет совсем другая цель. Спасать провожатых!

– Что ж, – неторопливо произнёс Ксантипп, – я, кажется, догадываюсь, как нужно будет поступить!

– Я больше ничем помочь не могу! Единственное, что удалось – предупредить, – извиняющимся тоном стал оправдываться Гамилькар.

– И этого достаточно. Предупреждён – значит вооружён. Теперь остаётся поступить как должно. – Ксантипп сердечно поблагодарил Гамилькара и строго посмотрел на Ореста, который был настроен снова начать причитания. Новость о готовящемся карфагенском коварстве повергла Ореста в состояние, в котором смешались возмущение, обида, уныние и желание отомстить за чёрную неблагодарность. Ему, в отличие от спартиата, можно было не скрывать эмоций. Он и не скрывал! Но это лишь сегодня. Завтра его лицо будет, как и должно, выражать спокойствие и полное неведение о коварных замыслах пунийцев. Жизнь научила поступать в нужный момент так, как должно!

Извинившись за плохую вест, Гамилькар закутался в плащ, чтобы его кто-нибудь случайно не узнал, и быстро скрылся в темноте ночи.

– Собери спартиатов, – распорядился Ксантипп.

Орест кивнул и кинулся выполнять распоряжение. Ворчать на этот раз было некогда! Вопрос шёл о жизни и смерти. Надо встречать опасность во всеоружии, а для этого необходимо подготовиться. Орест хорошо знал, когда можно ворчать, а когда нужно действовать.

Через полчаса спартиаты собрались в шатре Ксантиппа. Их с детства учили пробираться по тёмным улицам, не зажигая факелов, не привлекая чужого внимания, поэтому им удалось добраться до шатра незамеченными. Спартиатов, готовых отплыть с Ксантиппом, оставалось всего одиннадцать.

Из прибывших с ним семнадцать воинов двое геройски погибли, трое остались служить Карфагену.

Ксантипп рассказал соратникам о грозящей опасности. Все восприняли это со спартанским спокойствием. Но как им выбраться из этой переделки? Идей было много. Итог обсуждения подвёл Ксантипп.

– Единственный разумный выход – делать вид, что мы ничего не знаем, отплыть и в море захватить корабль. Если они догадаются о наших намерениях ещё в Карфагене, то перебьют нас на берегу под каким-нибудь предлогом. Обвинят в измене, мятеже или в чем-либо еще. Тут не Фермопилы, и нас не триста, поэтому долго сопротивляться не удастся.

– А что мы будем делать с кораблём? Матросы-то из нас никакие! – сказал Дамид.

– Поэтому моряков желательно брать в плен! Всех противников убивать не обязательно, – с улыбкой пояснил Дианек, который быстрее всех просчитал ситуацию. Не зря на него больше всего надеялся Ксантипп.

– А теперь нам надо так же тихо и незаметно разойтись. Не дай, Зевс, нас углядит кто-нибудь из шпионов! – Ксантипп быстро проводил товарищей.

Оставалось дожидаться утра.

Чтобы сохранить силы, Ксантипп и Орест легли и постарались уснуть. Это им удалось.

Утро выдалось ясным и солнечным. Спартанцы, облачённые в красные плащи, собрались на причале. Кроме карфагенской знати, пришло немало народу, чтобы проводить победителей римлян.

Магон начал торжественную прощальную речь, благодарил спартиатов за всё, что они сделали для пунийского народа. Это выглядело почти искренне. У некоторых спартиатов закралось в душу подозрение, что Гамилькар решил с какой-то целью навести напраслину на своих коллег по Совету. Когда кругом плетут интриги, то в них легко запутаться, тем более спартанцам, искушённым в воинском деле, но никак не в политических интригах. Даже Ксантипп несколько растерялся, но решил не усложнять ситуацию мучительными сомнениями и раздумьями. Всё станет очевидным, когда они отплывут! Если экипаж начнёт претворять в действие свой план, то спартанцы захватят корабль. Не спать ночь-другую, контролируя ситуацию, для воинов, привыкших ко всему, проблем не составит. Сейчас при любом развитии ситуации ничего не остаётся делать, как принимать поздравления и дары. Главное, чтобы по оплате не обманули, а то могут пожадничать, коль собираются деньги на дно пустить. Но скорее всего пожертвуют талантами золота и серебра, чтобы сохранить лицо перед другими странами и своим народом.

Все должны видеть, что Карфаген щедр с друзьями и союзниками, что пунийскому государству выгодно служить. Наемников еще много раз придется нанимать. Несколько лет спустя мятеж наемников чуть не похоронил Пунийское государство, подавить его удалось с огромным трудом. Принимали ли в нем участие наемники из Спарты, с точностью сказать трудно.

Магон завершил речь. После него по несколько хвalebных фраз произнесли Озмилк, Газдрубал и Ганон. Ксантипп отметил, что среди провожающих Гамилькара нет. На его вопрос об отсутствии Гамилькара, Ганон ответил, что тот отправился собирать в Ливии наёмников для продолжения войны с Римом.

После речей карфагеняне торжественно вручили дары, девушки осыпали спартанцев цветами. Орест, быстро посчитав деньги, поспешил сообщить, что рассчитались сполна. Или почти сполна. Потом началась погрузка на корабль. Это было купеческое, крутобокое судно с широким прямым парусом и двумя рядами вёсел. Сопровождать его должно было военное судно, напоминающее римскую трирему¹⁶.

---

¹⁶ Трирема (лат. *triremis*, от *tres*, *tria* – три и *remus* – весло), триера (греч. Τρίρης) – класс боевых кораблей, которые использовались античными цивилизациями Средиземноморья, в особенности финикийцами, античными греками и древними римлянами. Триремы получили свое название из-за трех рядов весел, которые, предположительно, располагались одно над другим в шахматном порядке, каждым веслом управлял один человек.

Ксантипп прикинул, сколько на нём может быть людей. Ну, гребцов можно не считать, они люди подневольные, поэтому активными противниками не будут. Значит, воинов может быть около сорока, примерно столько же и матросов, которые, конечно, не воины, но из лука стрелять могут, да и сил метнуть дротик или копье у них хватит. Это, разумеется, не профессиональные бойцы, но все-таки... Стрелы и дротики не различают храбрейших, и случайная стрела может поразить самого великого воина. Царя Пирра, великого полководца, убил кусок черепицы, брошенный из окна старухой в городе Аргосе!

Три десятка матросов и десятков воинов находились на купеческом судне, на котором отплывали спартанцы. Это, опять же, без учета гребцов. Если учесть, что двенадцать спартанцев сопровождало столько же оруженосцев из илотов и периэков, то соотношение сил легко просчитывалось. И совсем не в пользу спартанцев. Ксантипп поневоле засомневался, хватит ли сил, чтобы победить всех возможных противников. Но ничего не оставалось делать. Другого выхода уже не было!

Здесь, на причале, за спинами лидеров карфагенского Совета стояло более полутора тысяч вооружённых до зубов солдат с мрачными лицами. Это была карфагенская гвардия. По ним, в лучшем случае, можно было прочесть: дай этим воинам волю, они не отпустят столь богато нагруженное судно.

но. А уж с внезапно разбогатевшими спартамцами вообще разобрались бы по-свойски. Этих денег хватило бы на всех! Воины были из личной гвардии Магона, поэтому пиетета к спартамцам не испытывали. Зависть и жестокость преобладали в них. Конечно, это сволочные качества, но именно поэтому Магон мог им доверять. Он не верил в честность, благородные порывы, понятие чести казалось ему бредовым измышлением философов и стукнутых мечом по голове воинов. Особенно, как он считал, в этом преуспели спартамцы – воинский долг, воинская честь! Спартамцы не воевали с женщинами и детьми, не преследовали бегущих, предпочитали умереть, но выполнить служебный долг. Воинская честь и слава – превыше всего! Это, конечно, всё идеализм! Глупость! Не зря Спарта неуклонно движется к своему закату!

И вот вёсла взбурунили воду, парус наполнился попутным ветром. Ксантипп в последний раз оглядел берег земли, принесшей ему великую славу и отплатившей ему чёрной неблагодарностью.

(Но и тысячи лет спустя историки будут гадать, как ему удалось победить римлян и спасти Карфаген. Гадать, придумывать разные теории и версии. Но это всё в далёком будущем. И он об этом не мог ничего знать.)

А пока берег Северной Африки всё отдалялся и отдалялся.

Орест, стоя за спиной Ксантиппа, что-то бурчал себе под нос, поминая Карфаген и его власть имущих. За Ксантиппа

ему было обиднее всего!

– Всё равно боги покарают столь неблагодарный край! – приговаривал он.

– Покарать, может, и покарают, – усмехнулся Ксантипп. – А пока нам бы самим выжить!

Погода благоприятствовала плаванию. Светило солнце, дул попутный бриз. Капитан корабля, полный чернобородый пуниец, старался услужить пассажирам. Кок притащил вина и несколько противней жареного бараньего мяса. Опасаясь, что в вине или в мясе может быть яд, спартанцы сначала не решились притронуться к еде и питью. Но сомнения разрешил сам капитан, активно приступивший к трапезе. Воспитанный среди коварства и интриг, он понял, почему не спешат приступать к обеду суровые спартанские воины.

Ксантипп подумал, что какой-нибудь герой способен съесть отравленную еду перед глазами врагов, чтобы обмануть их, хотя бы и ценой собственной жизни. Ксантипп прикинул, что он и сам, если бы вопрос стоял серьёзно, пошёл бы на такое, чтобы вместе с собой утащить к Аиду всех супостатов. Но он на такое пошёл бы, если бы не осталось каких-либо других вариантов, чтобы расправиться с лютым противником.

Но, внимательно присмотревшись к капитану судна, Ксантипп понял, что жуликоватый авантюрист хоть и постоянно рискует жизнью на морских просторах, но именно постоянный риск учит не подставляться зря и не искать специально

проблем.

Он слишком жизнелюбив! Одно дело – ночью продырявить днище корабля, сесть в лодку и отплыть к сопровождающему кораблю, и совсем другое – пожертвовать собой, чтобы порадовать гибелью спартанцев своих правителей.

Зачем подобное? И ненадежно это. Поэтому и травить, наконец, не стали. Вдруг есть-пить стали бы не все, тогда весь план откроется! Зачем излишний риск? Лучше сытной едой и хмельной выпивкой успокоить подозрения, заставить расслабиться, опьянеть. До вечера время ещё есть!

11

Как на самом деле размышлял капитан купеческого судна, Ксантипп, разумеется, не догадывался. Но понимал он и другое: если они будут вести себя излишне настороженно, то навлекут ответные подозрения, которые могут привести к плохим последствиям. Мало ли как поведут себя пунийцы? Поэтому он тоже отрезал себе кусок ещё дымящейся баранины. Конечно, он давно уже мог пить в каких угодно количествах неразбавленное вино, но в данном случае Ксантипп предпочёл вспомнить о давних эллинских традициях и разбавлял водой красный цвет виноградного вина до слабо-розового. При этом Ксантипп сослался на строгие законы Ликурга, который не советовал пить неразбавленное вино.

По примеру Ксантиппа так же поступили с вином и дру-

гие спартанцы. Дианек и оруженосцы вообще отказались от вина, предпочтя пить захваченную с собой воду. Это на всякий случай, а то кто его знает? Пусть будет группа людей, которая совсем не станет пить.

Капитан пытался вести беседу, вспоминая свои прошлые посещения Эллады. Он бывал в Афинах, на Крите... Ксантипп сдержанно вставлял изредка одну-две фразы, чтобы не выглядеть совсем неучтивым. Впрочем, репутация спартанца – простого, грубого солдата, не привыкшего к утончённости, вполне соответствовала его поведению. Хотя и среди спартанцев встречались во множестве те, кто хорошо владел техникой речи. Не зря лаконичные выражения спартанцев стали идеалом остроумных коротких выражений. Судя по сочинениям Фукидида, умел убеждать своими речами и известный спартанский полководец Брасид, который захватил немало городов без боя, а только даром убеждения. И сам Ксантипп умел быть убедительным, иначе он не возглавил бы карфагенскую армию. Просто сейчас Ксантипп пытался просчитать различные варианты развития событий, поэтому разговаривать было неохота. Положение спас Феопомп. Он затеял с карфагенским капитаном обстоятельную беседу о морских путешествиях. Ему, в отличие от большинства спартанцев, пришлось немало побороздить морские просторы.

Приближался вечер. Корабль подгонял попутный ветер, поэтому гребцы не особенно выматывались на вёслах. В

четырёх сотнях стадий шёл сопровождающий военный корабль.

Если что-то и должно произойти, то именно в эту ночь. Рисковать одиноким военным кораблём пунийцы не станут. Легко напороться на римские или сицилийские суда, которые с удовольствием покончат с военным кораблём карфагенян. «Купца» могут и не тронуть, если, конечно, это будут не пиратские суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.